

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР.
ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Эволюция. Модернизация.

Инновация

ИННОВАЦИИ В СОЦИУМЕ И ПОЛИТИКЕ.
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР*

А.Ю. СУНГУРОВ

После избрания В.В. Путина на третий президентский срок, несмотря на преобладание в политической риторике современной России скорее консервативных, чем модернизационных призывов, перспектива инновационного развития все же является, на наш взгляд, единственной, открывающей путь к занятию Россией достойного места в современном мире. Поэтому задача поиска тех социально-политических акторов, или субъектов развития, которые могли бы оказаться наиболее эффективными в появлении и продвижении инноваций в социально-политической сфере, остается по-прежнему актуальной.

В большинстве как российских, так и зарубежных работ, посвященных инновационному развитию, делается акцент на инновации в сфере бизнеса и экономики, а социально-политическая сфера рассматривается лишь с позиции создания и реализации программ поддержки и продвижения этих инноваций (инновационной политики). Как отмечал в своей статье в журнале «Полития» В.М. Сергеев, широко распространено разделение инноваций на научные, технические и социальные: «К "научным" инновациям логично отнести концептуальные нововведения, позволяющие по-новому осмыслить мир, прежде всего в его онтологическом аспекте, к "техническим" – новые способы манипулирования этим миром, к "социальным" – изменения в системе правил и норм, регулирующих человеческую деятельность и поведение людей»¹.

В то же время все сильнее проявляется точка зрения, что без реальных институциональных изменений общественно-политической сферы окажутся неудачными и усилия по развитию и продвижению инноваций в научно-технической сфере, в сфере бизнеса, что отдельные инновационные проекты типа Сколково так и останутся

* Работа выполнена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Институциональные основы социально-политических инноваций: роль институтов-медиаторов», грант № 12-03-00551.

отдельными проектами, пока, например, не удастся реформировать всю правоохранительную систему, в частности, сделать суды действительно независимыми от исполнительной власти². Поэтому развитие инноваций в социально-политической сфере, под которыми мы понимаем, прежде всего, грамотные и хорошо подготовленные реформы, необходимо как для создания благоприятных условий для развития инноваций в бизнесе, так и для развития самого государства и гражданского общества.

В нашей предыдущей статье была показана перспективность использования концепции инноваций и их диффузии для анализа социальных процессов и процессов эволюции права³. Целью настоящей работы является анализ научных публикаций, посвященных развитию инноваций в общественно-политической сфере, под которыми мы понимаем реформы различного вида, а также сравнению возможной роли в этих процессах как самих реформаторов и их сторонников, так и состояния публичной среды, в которой собственно эти реформы и происходят, что часто определяет успех или неудачу реформаторских процессов⁴. При этом в фокусе внимания будут также возможные структуры и институты, в рамках которых появляются и развиваются проекты реформирования тех или иных сторон жизни общества и власти.

Дискуссии о политике инновационного развития и инновациях в политике (2009 – 2010)

В 2009 г. в российском политологическом сообществе состоялось несколько круглых столов и конференций, посвященных политике инновационного развития и инновациям в политике. Материалы одного из них были опубликованы позже в журнале «Полис»⁵. Так, один из старейших российских политологов А.А. Галкин среди препятствий инновационного развития выделил неготовность правящей элиты принять ориентацию на устойчивое развитие, напротив, она, на его взгляд, отдает предпочтение стабильности, «трактуемой исключительно как неизменность сложившейся власти и собственности». Другим препятствием на пути инновационного развития, по мнению А.А. Галкина, является коррумпированная система управления, сложившаяся в условиях иерархизированной жесткой вертикали власти⁶. Эту позицию разделяет и В.И. Пантин, по мнению которого, «главным препятствием для перехода России к инновационному развитию является, во-первых, коррумпированная бюрократия... и, во-вторых, политические институты, исключающие реальную конкуренцию в политике, экономике, социальной сфере»⁷. В этих условиях субъектами инновационного развития в России являются не крупные корпорации, работающие в наукоемких отраслях и венчурные предприятия, а работники этих предприятий, ученые и преподаватели.

Эту позицию В.И. Пантина, согласно которой институциональные субъекты инновационного развития отсутствуют, поддержал и С.В. Патрушев, подчеркнувший явную деинституционализацию российской политической сферы в первое десятилетие нового века, когда «было наглядно показано, что не пост определяет полномочия и функции человека, а человек определяет полномочия и функции поста»⁸. Участники круглого стола также отметили когнитивный конфликт между декларациями Д.А. Медведева об инновационном развитии и его давними заверениями в неизменности проводимого курса («План Путина») и приоритете стабильности как главного достижения путинской восьмилетки⁹.

Второй круглый стол, материалы которого были представлены на сайте интернет-журнала «Политическое образование», так же как и круглый стол в журнале «Полис», открыл А.А. Галкин. Он отметил, что на вербальном уровне политическая воля высшего руководства страны вроде бы присутствует, однако в политике между вербальными и реальными установками нередко возникает существенное несоответствие. На это указывали и другие участники дискуссии. В частности, В.К. Петров подчеркнул, что для успеха проекта инновационного развития задачей первостепенной важности является освобождение государственной системы от присущих ей качеств «имитационного государства». Использование этого термина он связал, среди прочего, с данными российских экспертов о том, что только 4% распоряжений Президента исполняются (а по данным американских коллег — не более 2%). По мнению В.К. Петрова, такая ситуация связана со сложившейся в современной России практикой так называемого лженормативизма, т.е. повышенного общественного ожидания от функционирования правовой системы без надлежащего обеспечения принимаемых законов и иных нормативных правовых актов энергетикой государственного аппарата.

Завершая дискуссию, главный редактор журнала «Политическое образование» А.Н. Аринин отметил, что наряду с первой задачей, которую нужно решать при переходе России на инновационный путь развития, — задачей смены модели экономического развития и перехода от рентной, государственно-бюрократической и неконкурентоспособной экономики, к экономике эффективной, построенной на высоких наукоемких технологиях, есть и не менее важная вторая задача. Эта задача — модернизировать власть. Главную, движущую роль в этом процессе играет правящий класс, который для эффективного развития страны должен установить обратную связь с обществом. В тех странах, где правящий класс не создавал условий для осуществления гражданского контроля, обратной связи от общества, он с неизбежностью рано или поздно уступал место контрэлите¹⁰.

В октябре того же, 2009 г. в Санкт-Петербурге была организована конференция «Политическая культура как ресурс и барьер инновационного развития». Как следует из названия конференции, основное внимание участников обсуждений уделялось «инновационной среде», в которой происходят те или иные инновационные процессы, ее реакции на предлагаемые новшества. Вместе с тем в фокусе внимания были и более широкие вопросы инновационного развития. Так, профессор НИУ ВШЭ А.П. Давыдов, развивая представления А.С. Ахиезера о расколе российского общества, остановился на разрушительной циклической динамике в развитии России, которую также можно, на его взгляд, трактовать как «дурную цикличность», историческую ловушку или инверсионный маятник¹¹. В качестве пути выхода за пределы «дурной цикличности» автор предлагает развитие различных практик медиации, понимаемой как преодоление дуальности и поиск середины. В рамках логики медиации ее субъект направлен на критику смыслов полюсов оппозиции, а также на создание новых смыслов в межполюсном пространстве, иначе говоря, на формирование инноваций.

М.Ю. Мизулин, поставив в заголовок своего выступления и статьи вопрос «Возможно ли в нашей стране инновационное политическое развитие?», считает, что на него следует ответить отрицательно, если в качестве субъектов инновационного развития подразумевать традиционные политические институты — органы власти, политические партии. Главной проблемой является, на его взгляд, безраздельный социальный и политический монополизм. В этой ситуации «страна становится несовременной в силу отсутствия прозрачности, предсказуемости и должной открытости... Не возникают новые социальные практики, которые могут конвертироваться в иные государственные и социальные пространства»¹². В то же время, по мнению автора, в России существуют площадки создания и конструирования форм и содержания политической инноватики, однако они действуют в других пространствах, не имеющих отношения к практической политике — например, в сферах искусства, литературы, религии.

Профессор Г.Л. Тульчинский в своем выступлении сделал акцент на необходимости выбора траектории развития и принятия тех или иных инноваций с учетом ценностей общества, в котором эти инновации должны прижиться, а не только на основе личных предпочтений или интересов тех или иных государственных чиновников. Иначе говоря, в обсуждении предлагаемых инноваций должны участвовать представители гражданского общества, бизнеса, а не только члены правительства. В противном случае «инновация» превращается в манипулирование, решение узкокорпоративных проблем и разрастание коррупции¹³. С.В. Ратнер из Краснодара в своем выступлении на конференции сделала акцент на роли инновационных фильтров,

затрудняющих процесс диффузии инноваций. По ее мнению, роль инновационного фильтра заключается в разделении всего потока инноваций на воспринимаемые и невоспринимаемые системой. Среди таких фильтров она выделила рыночный, институциональный, информационный и навигационный. Для задачи нашего исследования наибольший интерес представляет институциональный фильтр, который автор понимает как «культурные, политические и социальные особенности данного общества, при совместимости с которыми новшество внедряется быстро, а при несовместимости — медленно или вообще не внедряется. Данный фильтр отбирает легитимные с культурной точки зрения новшества, соответствующие требованиям социальной безопасности»¹⁴. Ясно, что роль этого фильтра особенно велика в случае инноваций в социально-политической сфере.

Любые инновации принимаются обществом только в том случае, если они способны противостоять критическим возражениям морального характера, а их цели сопоставимы с моральными целями, считает профессор Б.Н. Кашников. Одновременно меняется и сам характер морального дискурса в инновационном обществе, становясь все более прагматичным. Такой тип морального дискурса, по мнению автора, может рассматриваться «как выявление актуального согласия всех членов общества относительно основных прав, обязанностей, институтов и ролей в целях успешного социального действия»¹⁵.

Анализ необходимых и достаточных условий для разработки и реализации инноваций в социально-политической сфере был продолжен в рамках конференции «Политика как фактор инновационного развития» (Санкт-Петербург, апрель 2010 г.)¹⁶. Любые инновационные изменения в политической сфере становятся возможными лишь в том случае, если они будут поддержаны политической элитой страны. А.А. Балаян в этой связи ставит резонный вопрос: насколько российская политическая элита готова к серьезной демократизации политической жизни, без которой невозможна эффективная работа государственного аппарата и реальная, а не имитационная борьба с коррупцией? При этом центральным звеном такого процесса, по его мнению, должно быть создание условий для перехода от «пирамидальной» модели власти к модели правовой, в рамках которой процесс управления реализуется не через людей, а через право¹⁷.

Вслед за А.А. Балаяном вопрос о готовности российской бюрократии реализовывать административную и иные реформы поставила профессор Р.М. Вульфович. Этот вопрос не теряет актуальности даже в том случае, когда у политической элиты появляется готовность провести, например, административную реформу. При этом политическая воля может быть выражена по-разному: «...быть однозначной, требовать интерпретации или отсутствовать вообще и требовать замещения. В ходе ее реализации к административной системе часто

предъявляются требования, которые она не в состоянии выполнить: тогда ей приходится адаптировать их к своим возможностям¹⁸. Таким образом, можно сказать, что бюрократия обладает своеобразной политической властью, которую она и реализует, повышая интенсивность реформаторских процессов или тормозя их.

Если сравнить приведенные выше высказывания основных участников четырех рассмотренных научных обсуждений, то можно выделить два направления анализа возможных инноваций в социуме и политике. Во-первых, это поиск возможных субъектов инновационного развития как в этой, так и в других областях. Во-вторых, это анализ влияния среды развития и распространения социальных и политических инноваций, иначе говоря — реакции социума на предлагаемые изменения, их поддержки, сопротивления или даже отторжения этих изменений.

В рамках первого направления внимание исследователей прежде всего справедливо обращается к политическим лидерам, и статья Д.А. Медведева «Россия, вперед» не случайно упоминалась в целом ряде рассмотренных нами текстов. Отметим, что в выступлениях В.В. Путина подобные призывы отсутствуют. Далее выделяется политическая элита, от позиции которой — поддержки или сопротивления — очень многое зависит, тем более что именно представители политической элиты, находясь на различных руководящих политических позициях, собственно и должны определять стратегические направления инновационного политического развития. Между тем именно готовность российской политической элиты к каким-либо серьезным реформам вызывает сомнение у многих исследователей. Наконец, третьим важным субъектом политических инноваций-реформ являются государственные служащие, или бюрократия, от которой зависит реализация разработанных инноваций — например, административной реформы. Этот субъект (особенно в современной России) вовсе не представляет собой послушных нейтральных исполнителей, российские бюрократы могут либо действительно продвинуть, либо, что более вероятно, затормозить многие интересные начинания. При этом, по мнению большинства авторов рассмотренных выступлений и текстов, вследствие крайне высокого уровня коррумпированности большинства российских властных структур, они вряд ли могут стать действительными субъектами инновационного развития.

Стоит отметить, что среди возможных субъектов развития общественно-политических инноваций никто из авторов рассмотренных текстов не отметил российские политические партии. Кроме того, многие авторы пишут о деинституционализации политической сферы за годы правления В.В. Путина, когда вместо общественных институтов начинает действовать воля личности, и политическая система начинает работать на «ручном управлении». Как видно из

рассмотренных примеров, многие авторы пишут об отсутствии институциональных субъектов инновационного развития, такими субъектами в прямом смысле оказываются в российских условиях лишь отдельные творческие личности.

В рамках второго подхода фокусом внимания оказывается среда развития инноваций, которую в нашем случае представляет собой собственно российское общество. Часть исследователей при этом использует понятие политической культуры, которая может способствовать или препятствовать развитию и диффузии политических инноваций, при этом чем больше традиционных черт в суммарной политической культуре, тем более вероятно торможение или даже отторжение предлагаемых инноваций в сфере общественной и политической жизни. Л.А. Фадеева также отмечает сильную фрагментированность российской политической культуры, разделенность ее на достаточно различные сектора, часть которых очень консервативна, поэтому инновационные волны, возникшие в каком-то месте далее успешно гасятся благодаря усилиям консервативных групп людей. В.В. Костюшев в этой связи пишет о существовании рассогласования системы идентичностей, которое также затрудняет поддержку и распространение инноваций. Фактически эти представления близки к концепции С.В. Ратнер о существовании системы инновационных фильтров, препятствующих распространению инноваций в обществе. В заключение этого раздела выделим тезис А.П. Давыдова об исторической ловушке, или «дурной цикличности», исторического развития России, для преодоления которой автор предлагает развитие различных практик медиации, позволяющей выходить за рамки дуальности и формировать новые смыслы, т.е. инновации.

Социально-политические инновации: поиск технологий

Проведенный выше анализ научных дискуссий о проблемах инновационного развития, сосредоточенный на социально-политических инновациях, позволил нам выявить проблему отсутствия или слабой выраженности субъекта инновационного развития. Взглянем теперь на эту проблему с технологической точки зрения – с позиции организации процессов изменений и управления ими. Начнем с небольшой, но очень емкой работы Е.В. Морозовой, в которой управление изменениями рассматривается как проблема политического менеджмента¹⁹. На основе анализа моделей управления изменениями, разработанных в теории менеджмента, в частности, модели Р. Кантера с соавторами²⁰ и модели Дж. Коттера²¹, автор выделяет такие их основные структурные элементы.

1. Необходимость осознания невозможности сохранения статус-кво и использование образа «горящей платформы» (т.е. ситуации, когда опасность уже налицо, и «бездействие смерти подобно»).

2. Выдающаяся роль лидера.
3. Постановка цели: создание образа будущего.
4. Пошаговое выполнение действий – тщательная разработка «дорожной карты» изменений.
5. Постоянная обратная связь, «возвращение доверия», создание широкой базы поддержки изменений.
6. Закрепление новых подходов в ценностях и культуре²².

Основное различие между управлением изменениями в политике и управлением бизнес-процессами Е.В. Морозова видит в том, что попадание политических лидеров на властные высоты происходит, как правило, не из-за их любви к инновациям, а по причине их политических связей и принадлежности к команде. Кроме того, на лидеров оказывает давление конечность их срока действий и угроза наказания за ошибки.

К числу немногих работ, анализирующих технологию реформаторских процессов в органах власти, относится работа известного исследователя работы Конгресса США Нельсона Полсби, посвященная детальному анализу появления в американской политической жизни целого ряда новых институтов и практик как во внутренней, так и во внешней политике. Среди инноваций во внутренней политике можно назвать систему медицинского страхования для пожилых людей, гражданский контроль над ядерной энергетикой, национальный научный фонд, совет экономических консультантов; среди инноваций во внешней политике – Корпус мира, Доктрина Трумэна, запрещение ядерных испытаний. Временной лаг между возникновением идеи инновации и ее реализацией в практике публичной политики был самым разным. Так, например, для принятия решения о гражданском контроле над ядерной энергетикой потребовалось всего два года (1944 – 1946), для решения о создании Национального научного фонда – пять лет (1945 – 1950), а для запрещения ядерных испытаний – семнадцать лет (1946 – 1963).

В результате изучения работы Конгресса Полсби выделил два типа возникновения таких инноваций – «острый», когда между появлением идеи и принятием политического решения проходит относительно мало времени, и «инкубационный», когда этот период может длиться десятилетия. Инновации первого типа характеризуются относительно ограниченными конфликтами, когда критерии решения относительно свободны от партийной идеологии и от популистской риторики. Инкубационные инновации созревают медленно, изначально нет даже общего понимания существования проблемы. Понимание того, что проблема существует, зарождается медленно и достаточно далеко (в социальном, временном и даже физическом плане) от группы ЛПР (лиц, принимающих решение) – среди общества, среди университетских ученых и не-университетских исследователей, технических

специалистов, групп по интересам, правительственных ведомств и т.д. Инкубированные инновации часто начинают свой путь в программах политических партий, в национальных партийных платформах и речах сенаторов и понемногу становятся предметом слушаний в Конгрессе²³.

Заканчивая свою книгу Нельсон Полсби пишет: «В завершение я должен отметить существование иногда большого временного лага между появлением идеи инновации и ее реализацией. Исходя из этого, я считаю, что надо отдавать должное не только тем людям и событиям, которые раскачивают лодку, что увеличивает давление на лиц, принимающих решения, с целью заставить их действовать, но также и тем, кто серьезно размышляет над проблемами, кто ищет и находит альтернативы, а также тем, кто сохраняет жизнеспособность этих альтернативных решений для возможного будущего использования лицами, принимающими решения. Эти относительно незаметные фигуры – изобретатели, адапторы, антрепренеры политик, брокеры, инкубаторы – являются менее признанными, чем они этого заслуживают, и задачи, которые они решают, являются менее понимаемыми, чем они этого стоят»²⁴.

Работа Нельсона Полсби стала методической основой для исследования Вильяма Гвина, посвященного изучению особенностей возникновения и распространения института омбудсмана в англо-говорящих странах²⁵. Как отмечает автор, процессы выработки предложений новых политических программ (институтов) достаточно новы для политической системы. Они включают лиц (инноваторов политических практик), которые оказываются осведомленными об идеях, практиках или институтах, до этого неизвестных в политической системе, лиц, разрабатывающих благоприятные условия для реализации этих инноваций, а также лиц, предлагающих их для рассмотрения или адаптации (возможно, в несколько модифицированном виде), для действующих следом лиц, принимающих решения.

В начале своей работы автор формулирует ряд вопросов об обстоятельствах появления и развития политических (policy) инноваций, которые являются, по сути, программой для этого или подобных исследований. «Каковы условия, при которых некоторые люди предлагают “политики” (policy), не известные ранее в этой политической системе? Имеют ли эти инноваторы характеристики, отличные от остальных людей этого общества? Как предложение инновации зависит от конкретной, индивидуальной истории ее создания? Как адаптация инновации лицами, принимающими решения, зависит от способа предложения? Каково взаимоотношение между конкретным временем предложения инновации и ее принятием соответствующими ЛПР?»²⁶

Нельсон Полсби и его последователи считают, что процессы зарождения и реализации реформ в сфере публичной политики, при всех ограничениях, в основном все же связаны с деятельностью правительства или его агентств. В последнее время, однако, все больше авторов склоняются к позиции, что наиболее успешным реформаторский процесс будет в том случае, если в нем будут участвовать самые широкие слои общества – ученые, эксперты, гражданские активисты. Одно из направлений такого подхода получило название «инновации в сотрудничестве» (*collaborative innovation*). В рамках такого подхода правительство должно научиться вводить такие виды инноваций, которые «используют инновационные предложения от широкого спектра организаций и отдельных личностей, чтобы обнаружить, развить и реализовать идеи и предложения, возникающие как внутри, так и вне границ конкретных организаций»²⁷. Сатиш Намбзиан под «инновациями в сотрудничестве» понимает «основанный на сотрудничестве подход к инновациям и решению проблем в публичном секторе, опирающийся на готовность работать ”в упряжке” и на креативность внешних сетей и сообществ (включая гражданские сети и сети прибыльных и неприбыльных корпораций), чтобы усиливать или повышать скорость инноваций, так же как и уровень, и качество результатов инновационных процессов»²⁸.

Бен Бомерт, политический советник Стратегического отдела офиса премьер-министра Великобритании, в своей недавней статье, посвященной развитию концепции «инновации в сотрудничестве», анализирует относительный вклад различных правительственных и неправительственных акторов в процесс подготовки и принятия решения на различных этапах цикла принятия решений, а в заключение предлагает конкретные меры, с помощью которых правительственные структуры могли бы содействовать развитию «инноваций в сотрудничестве»²⁹. Отметим также, что такой подход имеет много общего с приобретающим в последнее время все большую популярность методом «краудсорсинга», когда поиски решения какой-то проблемы ведут широкие сети заинтересованных добровольцев³⁰.

Субъекты и среда инновационного развития: синергетический подход

В заключительной части этого текста обратимся к представлениям о закономерностях возникновения и развития инноваций, предлагаемых сегодня в рамках синергетического подхода. Представления синергетики могут быть для нашего случая особенно плодотворными, так как синергетика анализирует процессы в сложных открытых динамических системах, к которым относится и наше общество.

Основа синергетического подхода – это видение структуры как **состояния**, возникающего в результате многовариантного и неодно-

значного поведения таких многоэлементных структур или многофакторных сред, которые не деградируют к стандартному для замкнутых систем усреднению термодинамического типа, а развиваются вследствие открытости, притока энергии извне, нелинейности внутренних процессов, появления особых режимов с обострением и существованием более чем одного устойчивого состояния.

Предмет нашего анализа — инновации в социуме и политической сфере — относится как раз к такому типу систем.

Особенности синергетики как науки связаны с познанием реальных, действительных переходов от неструктурированности, бессистемности, неопределенности к структуре, определенности. Важную составляющую синергетического познания образует и рассмотрение обратных переходов — от порядка к хаосу, что наглядно проявляется, например, в теории катастроф, конфликтологии и некоторых других специальных теориях³¹. Здесь следует остановиться на возникшем в рамках синергетического подхода представлении о творческой роли хаоса. Как отмечает в своей статье «Природа инноваций» Е.Н. Князева, «возникновение инноваций сопряжено со случайностями, периодическим и необходимым погружением в хаос как метафизическую бездну потенциалов. Современная наука в лице синергетики обосновывает повсеместность, всебытийность и изначальность хаоса... Погружение в хаос — это путь к инновации»³².

Один из основоположников синергетики в России, член-корр. РАН С.П. Курдюмов полагал, что синергетика — это прежде всего *инструмент для понимания процессов в нелинейных средах*, к которым, отметим мы, относятся и социум, и политическая сфера. Говоря об инновациях, важно учитывать, что востребованная обществом инновация всегда связана с взаимодействием процессов в социальной, экономической, политической и иных средах, а потому тесно связана и с понятием интерфейса, реализующим переход «элементов новой реальности» между средами. Это значит, что наш успех в понимании инноваций во многом зависит от того, насколько нам удастся понять процессы, происходящие на границах социальных сред³³. Важно отметить, что интерфейс порождает качественно новые свойства или эффекты, отличные от свойств ассоциированных с ним поверхностей.

Один из лидеров современной российской синергетики В.И. Аршинов предлагает развить понятие интерфейса, используя предложенное философом и социологом науки Хельгой Новотны³⁴ понятие «эмерджентного интерфейса», в рамках которого идея интерфейса распространяется на ситуацию пересечения или конфронтации разных форм и областей знания. «Эмерджентность говорит о незапланированности, неожиданности возникновения свойств, феноменов или объектов, которые ведут себя как "граничные объекты", не имеющие

отчетливо распознаваемой границы, а потому не поддающиеся четкой категоризации и классификации»³⁵. Именно поэтому они часто ведут к конфликтам вместо того, чтобы играть роль коммуникативных медиаторов. Однако по мнению Новотны, эти «граничные» объекты могут быть предвестниками будущих коммуникативных прорывов.

Один из важных выводов современной синергетики — это тесная взаимозависимость любой интересующей нас системы и ее среды. Система определяется средой и одновременно создает свою среду, которая оказывает обратное влияние на систему. Соответственно, «невозможно инновировать систему, если не изменять среду, не вносить в нее инновации, и наоборот»³⁶. Этот тезис получил дальнейшее развитие в концепции рефлексивно-активных сред инновационного развития, развиваемой в последние годы В.Е. Лепским³⁷. При этом автор концепции подчеркивает необходимость существования культурных микросред, выполняющих функцию медиаторов в постнеклассической науке. «Даже очень рафинированное и формализованное знание остается представленным словами, где почти каждое принадлежит широкой культуре и является культурным посредником — медиатором, выводящим субъекта научного знания из замкнутой конструкции науки... Культурные медиаторы, включенные в научное знание, создают поток креативности — порождение новых формальных схем, конструкций, определений»³⁸.

В рамках синергетического подхода к анализу сложных систем сформулирована и предложенная Л.П. Киященко «трансинституциональная матрица инноватики», которая опирается на концепцию Г. Этцковича и Л. Лидесдорфа³⁹, концепцию функционирования инновационного общества как общества «тройной спирали» университетов, бизнеса и правительства. «Каждая из спиралей триплекса, вступая во взаимодействие друг с другом, меняет свою роль за счет усвоения ролевых функций других субъектов производства знания и вместе с тем удерживает внутри себя консервативные механизмы самосохранения»⁴⁰. Предлагая понятие трансинституциональной матрицы, Л.П. Киященко фокусирует наше внимание на радикальных изменениях современных форм производства знаний, выходящих не только за рамки отдельных дисциплин, но и науки как таковой (и снова эффект сложности!). Ученый сохраняет себя как члена определенного дисциплинарного сообщества, но одновременно становится и частью нового трансинституционального сообщества, что усложняет его мышление, заставляя его работать и в дисциплинарном и в трансдисциплинарном режимах. В итоге кардинально меняется характер предмета исследования. «Предмет возникает, формируется совместными усилиями не только ученых-экспертов, но представителями бизнеса, власти и общества в целом в горизонте взаимодействия множественных дисциплинарных научных картин мира и столь же

множественных картин жизненного мира за счет совместного проживания и коммуникативного взаимодействия»⁴¹.

Заключение

Анализ всех трех рассмотренных выше концептуальных подходов (политологический, технологический и синергетический подходы) к проблеме инноваций в социально политической сфере позволяет нам выявить ряд общих закономерностей. Прежде всего — это необходимость рассмотрения и субъектов инноваций, и среды, в которой они происходят совместно, в очень тесном взаимодействии, так как они взаимно влияют и определяют друг друга. Во вторых, это проблема субъектности социально-политических инноваций, особенно остро стоящая в современной России, когда политическая воля к их реализации отсутствует и у политических лидеров, и у политической элиты, и в среде правительственной бюрократии. Отсутствует она пока, к сожалению, и у большинства российских политических партий. Возможным выходом из этой ситуации может быть развитие «инноваций в сотрудничестве», которые могут эффективно реализовываться и в сетевом режиме, с использованием интернет-технологий, а также технологии краудсорсинга. Однако и здесь необходимо выделение субъектов, готовых взять на себя груз внедрения предлагаемых решений.

На наш взгляд, особый интерес представляют полученные в рамках синергетического подхода результаты и концепции, в частности, концепция эмерджентного интерфейса, где на границе разных сред могут возникать инновационные идеи и предложения. Таким образом, наше внимание в будущем должно быть направлено на структуры-медиаторы различного происхождения, являющиеся интерфейсом, например, между властью, академическим сообществом и гражданским обществом. Выбор этого направления дальнейших поисков институтов, в которых наиболее вероятно могут возникнуть интересующие нас инновации, подкрепляется и предложенной Л.П. Киященко концепцией трансинституциональной матрицы, описывающей взаимодействие «трех спиралей» — власти, бизнеса и науки, в рамках которой все участвующие во взаимодействии субъекты вынуждены функционировать и в дисциплинарном, и в трансдисциплинарном режимах. Легко видеть, что эта концепция хорошо соотносится, например, с концепцией межсекторного социального партнерства, развиваемой В.Н. Якимцом⁴², а также с представлением о роли институтов-медиаторов в развитии поля публичной политики⁴³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Сергеев В.М.* Инновации как политическая проблема // *Полития*. 2008. № 1. С. 115.

² См.: *Панеях Э.Л.* Трансакционные эффекты плотного регулирования на стыках организаций на примере российской правоохранительной системы // *Полития*. 2011. № 2. С. 38 – 59.

³ См.: *Сунгуров А.Ю.* Инновации и их диффузия: к возможности использования концепции в социально-политической сфере // *Философские науки*. 2010. № 1. С. 9 – 18.

⁴ См.: *Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию* / под ред. В.Е. Лепского – М.: Когито-Центр, 2011.

⁵ См.: *Теория и практика инновационного развития и инновации в политике. Круглый стол журнала «Полис» и ИС РАН* // *Полис*. 2010. № 2. С. 128 – 145.

⁶ См. там же. С. 130 – 131.

⁷ *Паитин В.И.* Субъекты инновационного развития и проблемы обновления политических институтов в современной России // *Полис*. 2010. № 2. С. 135.

⁸ *Патрушев С.В.* Общество модерна или инновационное общество? // *Полис*. 2010. № 2. С. 140.

⁹ См.: *Глухова А.В.* Противоречия инновационного сценария // *Полис*. 2010. № 2. С. 143 – 144.

¹⁰ См.: *Социально-политические проблемы перехода России на инновационный путь развития. Материалы круглого стола.* – URL: <http://www.lawinrussia.ru/diskussionnyy-klub/2009-01-15/sotsialno-politicheskie-problemi-perehoda-rossii-na-innovatsionniy-put-razvitiya.html>

¹¹ *Давыдов А.П.* Инверсия как культурное основание цикличности в развитии (к вопросу об объекте деконструкции в русской культуре) // *Философские науки*. 2010. № 1. С. 26 – 27.

¹² *Мизулин М.Ю.* Возможно ли в современной России инновационное политическое развитие? // *Философские науки*. 2010. № 1. С. 30.

¹³ См.: *Тулчинский Г.Л.* Постимперская культура как ресурс и барьер инновационного развития // *Философские науки*. 2010. № 1. С. 51 – 72.

¹⁴ *Ратнер С.В.* Роль инновационных фильтров в процессе диффузии новых знаний // *Публичная политика-2009. Сборник статей.* – СПб.: Норма, 2010. С. 95 – 102.

¹⁵ *Кашиников Б.Н.* Морально-политический дискурс как условие и цель социальных инноваций // *Публичная политика-2009.* С. 111 – 113.

¹⁶ См.: *Политика как фактор инновационного развития. Материалы международной российско-германской научной конференции. Санкт-Петербург, 23 апреля 2010 года* / под ред. А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2010.

¹⁷ См.: *Балаян А.А.* Политическая элита и инновационное развитие современной России: проблемы и перспективы // *Политика как фактор инновационного развития.* С. 15 – 19.

¹⁸ *Вульфович Р.М.* Административная реформа как политическая дилемма // *Политика как фактор инновационного развития.* С. 49.

¹⁹ См.: *Морозова Е.В.* Управление изменениями как проблема политического менеджмента // *Полис*. 2010. № 2. С. 122 – 127.

²⁰ См.: *Kanter R.M., Stein B.A., Jick T.D.* The Challenge of Organizational Change. – N. Y., 1992.

²¹ См.: *Schein E.H.* Transforming Government through Change Management: the Role of the State CIO. – URL: <http://www.nascio.org/publications/documents/NASCIO>

²² См.: *Морозова Е.В.* Управление изменениями как проблема политического менеджмента. С. 124.

²³ См.: *Polsby N.W.* Political Innovation in America. The politics of policy Initiation. – New Haven; London: Yale University Press, 1984.

²⁴ Ibid. P. 174.

²⁵ См.: *Gwyn W.B.* Ombudsman Policy Innovation in the English-speaking world (Research Report. – Institute of Governmental Studies. Univ. of California). – Berkeley: Univ. of California, 1980. P. 80 – 82.

²⁶ Ibid. P. 2.

²⁷ *Eggers W.D. and Kumar Singh Sh.* The Public Innovator's Playbook: Nurturing Bold Ideas in Government // Deloitte Research. 2009. P. 98.

²⁸ *Nambisan S.* Transforming Government Through Collaborative Innovation // IBM Center for the Business of Government. 2008. P. 11.

²⁹ *Bommert B.* Collaborative Innovation in The Public Sector // International Public Management Review. Electronic Journal. – URL: <http://www.ipmr.net>. 2010. Vol. 11. Issue 1. P. 15 – 33.

³⁰ *Howe J.* Crowdsourcing: A Definition. 2006. – URL: http://crowdsourcing.typepad.com/cs/2006/06/crowdsourcing_a.html

³¹ *Тышин А.И.* Лики синергетики // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2002. № 3. – URL: <http://www.krsu.edu.kg/vestnik/2002/v3/a02.html>

³² *Князева Е.Н.* Природа инноваций и некоторые проблемы инновационного управления // Управление: социально-философские проблемы методологии и практики. – СПб.: Книжный дом, 2005; Сайт С.П. Курдюмова. – URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Knzva.htm>

³³ См.: *Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посошков С.А.* Кризис инновационных сред в России // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / под ред. В.Е. Лепского. – М.: Когито-Центр, 2011. С. 24 – 25.

³⁴ См.: *Novotny H.* The increase of complexity and its reduction: emergent interfaces between the natural sciences, humanities and social sciences // Theory, culture and society (Cleveland). 2005. Vol. 22. № 5. P. 15 – 31.

³⁵ *Аришинов В.И.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития в контексте синергетики сложности // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / под ред. В.Е. Лепского. С. 55.

³⁶ *Князева Е.Н.* Система и среда: сопряжение сложности, эмерджентности и управленческой активности // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию. С. 74.

³⁷ См.: *Лепский В.Е.* Признаки и последствия недооценки роли средового подхода в инновационном развитии и модернизации России // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию. С. 7 – 22; *Лепский В.Е.* Механизмы саморегулирования сложностью в рефлексивно-активных средах инновационного развития // Синергетическая парадигма: Синергетика инновационной сложности. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – С. 427 – 447.

³⁸ *Лепский В.Е.* Философские основания становления средовой парадигмы (от классической рациональности к постнеклассической) // Междисциплинарные

проблемы средового подхода к инновационному развитию / под ред. В.Е. Лепского. – М.: Когито-Центр, 2011. С. 39.

³⁹ См.: *Funtovicz S., Ravetz J.* Science for the post-normal age // *Futures*. 1993. Vol. 25. № 7. P. 735 – 755.

⁴⁰ *Киященко Л.П.* Синергетика сложности и трансинституциональная матрица инноватики. Синергетическая парадигма: Синергетика инновационной сложности. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 119.

⁴¹ Там же. С. 126.

⁴² См.: *Якимец В.Н.* Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. – М.: УРСС, 2004.

⁴³ См.: *Сунгуров А.Ю.* Институты-медиаторы и их роль в развитии публичной политики в современной России // *Публичная политика в контексте задач модернизации России: конструктивный потенциал и формы использования* / отв. ред. Л.И. Никовская. – М.: РАПН, РОССПЭН, 2012. С. 195 – 218; *Сунгуров А.Ю.* Публичная политика как поле взаимодействия и как процесс принятия решений // *Публичная политика – 2005. Сборник статей.* – СПб.: Норма, 2006. С. 7 – 14.

Аннотация

В работе рассматриваются современные дискуссии об инновациях в социуме и власти, акторы реформ и роль общественной среды, в которой эти реформы протекают, а также конкретные технологии реформаторского процесса. Анализируются возможности синергетического подхода для изучения субъектов и среды инновационного развития.

Ключевые слова: инновации, реформы, акторы, среда, синергетика.

Summary

The article considers the contemporary discussion concerning innovations in society and power, actors of reforms, the role of social space in which this reforms take place, and concrete technologies of reform process. The possibilities of synergetic approaches for the research of innovation process are also analyzed.

Keywords: innovations, reforms, actors, environment, synergetic.